

³¹ Там же, с. 421, рис. 2, 21.

³² **Якобсон А. Л.** Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 30 и сл., рис. 12, 13.

³³ Там же, с. 75, рис. 45-8—10.

³⁴ **Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П.** и др. Средневековые амфоры Херсонеса.— В кн.: АДСВ. Свердловск, 1971, вып. 7, с. 93, рис. 22, 23.

³⁵ **Якобсон А. Л.** Керамика и керамическое производство..., с. 71, рис. 43-4.

³⁶ Перевод надписи к печати Э. И. Соломоник.

³⁷ — знак на плитах перекрытия гробницы 1.

³⁸ **Тиханова М. А.** Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма, с. 328.

О. Н. МАМИНА
Уральский университет

ПОНЯТИЯ «NEGOTIUM» И «OTIUM» В СОЧИНЕНИЯХ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ

Большинство исследователей творчества Сидония Аполлинария отмечает, что этот популярный среди своих современников галло-римский поэт в своих стихах, панегириках и письмах подражал многим древним авторам, заимствовал у них форму, стиль, определенные концепции, характеры и сюжеты, однако, не понимая смысла, интерпретировал их неверно. Данное положение чаще всего рассматривается как свидетельство бесплодности творческой мысли Сидония, как факт искусственности и вымышленности его идей, образов и т. п., как доказательство отсутствия его собственного оригинального мировоззрения¹.

В действительности же большое количество реалий и реминисценций из сочинений знаменитых предшественников в стихах и письмах Сидония приобрели иной смысл и значение, чем это имело место в контексте сочинений тех авторов, которым он подражал. В данном случае уместнее говорить не о непонимании Сидонием своих предшественников, а об ином их понимании. В связи с этим исследование мировоззрения Сидония Аполлинария неизбежно требует анализа взглядов и представлений тех авторов, кому он подражал и на кого ориентировался, а также нормативных концепций, которыми он мог руководствоваться. В качестве сравнения ограничимся лишь сочинениями Цицерона, Саллюстия и Плиния Младшего.

Выбор обусловлен следующими обстоятельствами: во-первых, Цицерон, Саллюстий, Плиний Младший и Сидоний Аполлинарий принадлежали одному классу — все они были крупны-

ми земельными собственниками, рабовладельцами, представителями муниципальной знати; во-вторых, для всех них характерно сочетание политической деятельности с литературным творчеством; в-третьих, оценка и сравнение их взглядов и убеждений возможны по сочинениям близких жанров; наконец, перечисленные авторы в своем творчестве как бы отразили чувства, мысли и настроения поколений, пришедших на смену друг другу. Цицерон (106—43 гг. до н. э.) и Саллюстий (86—35 гг. до н. э.) были свидетелями бурных преобразований в переходный от республики к принципату период. Жизнь и творчество Плиния Младшего (62—114 гг. н. э.) совпали с максимальным расцветом Римской империи, Сидоний (ок. 430—480 гг. н. э.) стал очевидцем ее окончательной гибели.

Рассмотрим прежде всего эволюцию тех взглядов и представлений, которые наглядно свидетельствуют о глубине и широте мировоззрения интересующих нас авторов, а именно проанализируем их высказывания о престижных и популярных в среде рабовладельцев занятиях и увлечениях. Эволюция суждений о характере, роли и значении того или иного вида человеческой деятельности, обусловленная определенным уровнем социально-экономических и политических отношений, культурой и идеологией общества на каждом этапе его развития, нашла свое отражение в изменении реального содержания таких понятий, как «otium» и «negotium»². В связи с этим наша задача в значительной степени сводится к тому, чтобы разобраться, какие занятия рассматривались древними авторами в качестве труда, работы, а какие оценивались как досуг, развлечение.

Для Марка Туллия Цицерона, страстного защитника староримского полисного идеала *vir bonus*, содержание понятия «negotium» целиком было обусловлено обязанностями добропорядочного гражданина по отношению к *res publica*. Главным делом каждого римлянина Цицерон считал общественно-политическую практику (*De off.*, I, 70—72). Сюда он относил исполнение различных магистратур, деятельность полководцев и ораторов (*De off.*, I, 72; *Pro Mur.*, 30; *De or.*, I, 1). Те же занятия, которые не были непосредственно связаны с общественной, государственной деятельностью, Цицерон относил к разряду *otium*³. Так, например, труд даже знаменитых философов и литераторов оценивался им не иначе как *otium* — развлечение, отдых, занятие на досуге (*De off.*, I, 69). Тем не менее уход от политических дел в мир умственной жизни не вызывал осуждения Цицерона, если увлечение *otium* не приносило вреда обществу и не противоречило долгу по отношению к государству (*De off.*, I, 71). Говоря о себе, Цицерон не раз отмечал, что сам он всецело отдался государственной деятельности, для занятий же литературой и философией располагал только тем временем, которое ему оставалось от исполнения государственных дел и дел его друзей; досуга для написания собственных сочи-

нений у него по сути дела не было (*scribendi otium non erat.*— *De off.*, II, 4). Не занимался же государственной деятельностью Цицерон только тогда, когда, по его словам, государства вообще не существовало (*res publica... nulla esset omnino.*— *De off.*, II, 3). Таких периодов «вынужденного досуга», как отмечает С. Л. Утченко, в жизни Цицерона было два: во второй половине 50-х и 46—44 гг. до н. э.⁴ Это были годы острого политического кризиса и анархии в Риме. В 46 г. до н. э. Цицерон пишет Марку Теренцию Варрону: «Кто не даст мне возможности, когда отечество либо не может, либо не хочет пользоваться моими услугами, вернуться к той жизни, которую многие ученые люди, быть может, и неправильно, но все же считали заслуживающей предпочтения даже перед государственной деятельностью» (*Fam.*, IX, 6, 5). В результате значительная часть риторических и философских произведений Цицерона являются именно плодами его досуга (*otium*).

В трактате «Об обязанностях» (*«De officium»*) Цицерон убеждает читателей в том, что стимулом в *negotium* должна являться нравственно прекрасная цель, а именно желание принести пользу *res publica*, стремление же к популярности среди современников и потомков не должно быть руководством в действиях, почести и слава придут сами к тем, кто принес наибольшую пользу государству. Тем не менее для самого Цицерона популярность и слава довольно часто выступали побуждением как в общественно-политической, так и в литературной деятельности (*Att.*, I, 15, 1; *Fam.*, II, 4, 2; V, 19, 9).

Гай Саллюстий Крисп в свою очередь, людей, прозябающих в роскоши и бездельи, определял как порочных (*Jug.*, 2, 4), и утверждал, что действительно живущим и наслаждающимся жизнью считает только того, кто ревностно отдается какому-либо делу и ищет доброй молвы о своих достойных деяниях (*Cat.*, 2, 9). Однако политическая деятельность Саллюстия оказалась менее удачной, чем у Цицерона. В условиях ожесточенной борьбы за власть после убийства Гая Юлия Цезаря Саллюстий признается своим читателям: «Магистратуры и командование, словом, всякая забота о делах государственных, в наше время совсем не кажутся мне желанными, так как, с одной стороны, не доблести воздается почет, с другой стороны, те, кому он достался путем обмана, не обретают ни безопасности, ни большого почета» (*Jug.*, 3, 1). «После многих несчастий и испытаний» Саллюстий решил провести остаток жизни вдали от государственных дел (*Cat.*, 4, 1). Но так как у него,— отмечает Саллюстий,— не было намерения ни тратить свой досуг, предаваясь лени и праздности, ни проводить жизнь, занимаясь земледелием и охотой — обязанностями рабов (*Cat.*, 4, 1), основной сферой деятельности для себя он выбрал труд историка (*Cat.*, 4, 2; *Jug.*, 4, 1). Описание деяний и подвигов предков и современников могло быть, по его мнению, продолжени-

ем политической деятельности другими средствами⁵, поэтому свои литературные занятия Саллюстий оценивал как общественно значимые. Обращаясь же к тем, кто его большой и полезный труд (*utili labori*) склонен был называть плодом праздности (*in otio inertiae inponant*), Саллюстий замечает: «Государство получит от моего досуга (*otio*) выгоду большую, чем от деятельности (*negotiiis*) других» (Jug., 4, 4). Он надеялся, что его литературная слава будет более продолжительной, чем почести, какие он мог заслужить исполняя *cursus honorum*.

Дальнейшая эволюция отношения культурной элиты римского общества к *otium* и *negotium* отразилась в письмах к друзьям Гая Плиния Цецилия Младшего. В сочинениях этого автора можно встретить настроения, полностью согласуемые с полисным идеалом *vir bonus*. Так, например, он одобряет проявление заботы о величии государства (Ер., II, 11, 1) и осуждает равнодушие к общественным делам (Ер., VI, 2), утверждает, что общественную пользу следует ставить выше частной (Ер., VII, 18, 5), говорит о том, что в суде надо брать дела славные и знаменитые и радуется, когда самому удается участвовать в сложном и запутанном судебном разбирательстве (Ер., II, 11; VI, 29). Однако в других случаях Плиний откровенно сознается, что дела в суде его больше изводят, чем доставляют удовольствие (Ер., II, 14, 1). Жизнь в столице тяготит его (Ер., I, 9), Плиний даже хвалит некоторых из своих друзей, удалившихся от государственных дел (Ер., III, 7, 3).

Противоречивый подход Плиния к государственной деятельности объясняется прежде всего тем, что в реальных условиях исчезновения демократических принципов как в формировании государственного аппарата, так и в формах и методах управления империей, идеал гражданина полиса находил свое воплощение в жизни все реже. Не получая удовлетворения от судебных разбирательств, сводимых к мелочным и ничтожным тяжбам, когда и суд и слушатели подкуплены, а ораторское искусство благодаря выступлениям на форуме и в судах неопытных юнцов выродилось (Ер., II, 14), когда даже поводов для разговоров о государственных делах становилось все меньше (Ер., III, 20, 10), так как все теперь зависело от произвола императора (Ер., III, 20, 12), Плиний все более тяготился своими обязанностями на государственном поприще. Не раз он сожалеет об исчезновении «прекрасных обычаев отцов», о «прежних порядках» (Ер., III, 20, 5—12; III, 21, 3; и др.), полагая, что в его век в сфере государственной деятельности наиболее достойным, активным, честным гражданам, как правило, нет подобающего места. В одном из писем Плиний с горечью замечает: «Положение у меня ведь не то же, что у Марка Туллия... у него имелся богатейший талант, и таланту этому соответствовали разнообразные и великие события, тогда происходившие.

В каких узких пределах заключен я, ты это сам видишь...» (Ер., IX, 2, 2—3).

В чем же Плиний видел смысл жизнедеятельности личности одаренной и образованной? В одном из писем он советует Канифию Руфу посвятить все свое время умственным занятиям: «Им твой труд, им досуг, им работа и отдых, бдение и сон» (Ер., I, 3, 3). Сам Плиний главным делом своей жизни считал именно литературные занятия. Не рассчитывая на эфемерную популярность как политического деятеля среди современников, Плиний страстно желал почестей и славы в качестве писателя, историка, надеясь, что его доблестный труд будет оценен по заслугам. «Ты убеждаешь меня заняться историей...,— обращается Плиний к Титинию Капитону,— и я сам этого хочу ...потому что, по-моему, так прекрасно не допустить, чтобы бесследно исчезли люди, которым должна быть уготована вечность. И хорошо вместе с их добрым именем пронести сквозь века и свое. Ни о чем я так не мечтаю, ничего так страстно не хочу, как длительного существования» (Ер., V, 8, 1—2). В одном из писем друзьям Плиний утверждает: «Всем людям, по-моему, следует думать о своем бессмертии или смертности и первым — стараться, напрягать свои силы, а вторым — пребывать в покое, отдыхать и не обременять свою короткую жизнь бременными трудами...» (Ер., IX, 3, 2). Поэтому Плиний не только не осуждает тех, кто живет уединенно, в стороне от общественных дел, но, напротив, даже выражает им свою симпатию (Ер., I, 14, 5; VII, 25, 5).

Мы видим, что как для Цицерона, так и для Саллюстия и Плиния Младшего немаловажным стимулом в деятельности было желание прославиться. Слава и добрая память потомков приходили прежде всего к тем, кто заслужил ее добросовестным трудом (*negotium*) на общее благо⁶. Именно таким трудом в интеллектуальных кругах римского общества, по мере падения интереса к политической деятельности, все чаще рассматривалось литературное творчество.

В то же время, судя по письмам к друзьям Плиния Младшего, среди римской знати *otium* становится все более желанным, привлекательным, разнообразным. «О правильная, чистая жизнь, о сладостный честный досуг, который прекраснее всякого дела!»,— восклицает однажды Плиний (Ер., I, 9, 6) и часто подробно с удовольствием рассказывает о своем вольном распорядке дня, когда живет не в городе (Ер., IV, 23, 1; XII, 36 и 40), о дружеских визитах гостей (Ер., I, 4, 2), сытным и вкусным обеде (Ер., I, 15), об охоте (Ер., I, 6, 1; IX, 10), своей тоске по вину, бане и холодному источнику (Ер., II, 8). В письмах Плиния нередко можно встретить сожаления, что у него для подобного досуга не хватает времени, слишком много времени отнимают заботы о собственном бессмертии.

Пройдет, казалось, еще двести-триста лет и интеллектуаль-

ная элита высшего слоя общества совершенно утратит интерес к *cursus honorum*, и, испытывая пренебрежение к государственной деятельности, уйдет в мир сугубо личных проблем, интересов и развлечений⁷.

Сидоний Аполлинарий, ревностный приверженец старинных традиций и культуры, явно сочувствовал делам и мыслям своих предшественников. «Любой из наших современников перед деяниями (*ad facta*) предков — бездельник, а перед их речами — бессловесный младенец», — пишет он Намацию (Ер., VIII, 6, 3). С цицероновским жаром Сидоний осуждает горделивую праздность (*ignaviam superbientem*), отвращение к деятельности, свойственное ленивым натурам (*militandi inertibus familiare fastidium*). «Я вижу, как они сами, отчаявшись возвыситься, философствуют за стаканом вина, прославляя неполучивших почетные должности, по причине скорее вредного влияния праздности (*vitio desidiae*), чем стремления к совершенствованию (*studio perfectionis*)» (Ер., I, 4, 2)⁸. Каждый достойный человек (*optimus quisque*), провозглашает Сидоний, может и должен (*possit ac debeat*) служить *res publica* (Ер., V, 16, 2). Вместе с тем, вторя Саллюстию, Сидоний не одобряет жизнь, подобную жизни древних земледельцев, труд которых, согласно полисным идеалам, считался важнейшей обязанностью и привилегией граждан. «Как долго против всякого божеского и человеческого права, земледельческие орудия будут себе присваивать стертые некогда метанием костей руки, — вопрошает он юного Сиагрия. — Возврати себя отцу, отечеству, верным друзьям, или, если тебе уж так нравится жизнь диктатора Цинцинната, женись прежде на новой Рацилии, которая бы запрягала тебе волов» (Ер., VIII, 8, 2—3). В то же время, как и Плиния Младшего, жизнь в многолюдном и суетном Риме тяготит его, и он скучает по тихому спокойствию роскошных имений за Альпами (Ер., I, 5, 10).

О своих конкретных делах, связанных с исполнением государственных должностей, Сидоний в сочинениях упоминает лишь вскользь. Кроме воспоминания о том, что, будучи префектом города Рима, он постоянно пребывал в состоянии беспokoйства, что римский народ может встретить его воплями в цирке, если не подоспеют вовремя корабли с хлебом и подымется цена на съестные припасы (Ер., I, 10, 2), никаких больше впечатлений об исполнении им почетной magistratury Сидоний не оставил потомкам. Умолчание в данном случае свидетельствует о том, что само содержание государственной деятельности, по всей вероятности, для Сидония и его корреспондентов уже не представляло какого-либо интереса. Весьма примечательно, что один из друзей Сидония, узнав о назначении поэта префектом Рима, поздравляет его прежде всего с тем, что тому удалось... сменить сырой климат Лиона на более благоприятный (Ер., I, 8).

Что же все-таки поддерживало стремление Сидония и его

друзей к *cursus honorum*? Обратимся к письмам интересующего нас автора. «Ступай теперь,— пишет Сидоний одному из самых близких своих друзей Филимацию,— и по законам об искательствах удали меня из сената; спроси почему я в постоянных заботах о достижении наследственного достоинства (*adipiscendae dignitati hereditariae curis pervigiliis incumbam*) я, отец и зять, дед и прадед которого блистали городскими и преторскими должностями при дворе и в войске» (Ер., I, 3, 1), «если ты отречешься от... благородных занятий (*nobilium studiorum*), и тебя будет поддерживать только желание увековечить материальное благосостояние, напрасно ты будешь гордиться своим происхождением от предков, носивших трабею, считать золоченые носилки и пурпурные фастции; удаление от дел (*industrium*) неминуемо поведет к тому, что тебя менее будет отличать цензор, чем угнетать ценз»,— наставляет Сидоний уже упомянутого Сиagriя (Ер., VIII, 8, 3). Побуждая Евтропия заняться государственной деятельностью, Сидоний пишет ему: «Разве не будет позором, когда мнение какого-нибудь бедного гонората будет подавлять тебя, вялого деревенщину (*pinguius pastor*), стоящего и прячущегося за сидящими и высказывающими свое мнение юношами. Ты с горестью увидишь тогда, что тебя превзошли те, которые были недостойны следовать по нашим пятам» (Ер., I, 6, 2).

Подобные высказывания Сидония свидетельствуют о том, что наметившаяся в период ранней империи тенденция к утрате интереса к *cursus honorum* со стороны представителей столичной и провинциальной знати к моменту окончательной гибели Римской империи не привела все-таки к совершенному устранению этой части общества от государственных дел. Изживание в эпоху домината демократических принципов в формировании государственного аппарата, предоставление *honoribus* и *honoratis* все большего числа привилегий в условиях быстрой смены лиц на императорском троне и бурных общественных потрясений, устойчивый ориентир нормативной этики на нравы и обычаи предков— все это привело к тому, что в период поздней империи у столичной и провинциальной знати сформировалась определенная система взглядов на занятие государственных должностей. В результате основными стимулами в стремлении *pervenire ad summam dignitatem*, или *pervenire ad honores* у знати, на последнем этапе существования Западной Римской империи, судя по высказываниям Сидония Аполлинария, была не столько потребность и необходимость вложить свой труд в «улучшение» государственных дел, сколько, во-первых, желание получить почетные звания *inlustres*, *pectabilis*, *clarissimus*, обеспечивающие привилегированное положение не только относительно более низких слоев общества, но и среди равных, благодаря земельным пожалованиям, снижению налога, преимущественному праву голоса и т. п.; во-вторых, желание окружить

себя внешними престижными почестями, выраженными, в частности, в праве сидеть там, где большинство стоят, носить особую одежду, пользоваться особыми средствами передвижения и т. п.⁹; в-третьих, желание играть ведущую роль в провинциальном собрании, в котором значительными преимуществами пользовались те из крупных землевладельцев, кто исполнял в свое время высшие государственные должности¹⁰, в-четвертых, стремление в любых политических условиях не уронить честь рода¹¹.

Сидоний особо гордился тем, что дед его исполнял должность *tribunus et potarius* при узурпаторе Константине, но тем не менее законный император Валентиниан назначил его префектом претория Галлии (Ер., III, 12; V, 9, 2). Родственнику Сидония Экдицию звание патриция было обещано Антемием, а вручено Юлием Непотом (Ер., V, 16, 2). Сам Сидоний получал почетные привилегии не только при императоре Авите, своем тесте, но и Майориане, пришедшем к власти в результате правительственного переворота, затем при Антемии и, наконец, когда императорская власть в Галлии окончательно пала, при Еврихе — короле вестготов. В то же время Сидоний с явным осуждением отзывается о тех родовитых галло-римлянах, которые, завидуя почестям, полученным Аполлинариями, сами проявляют леность, беспечность, отсутствие уверенности в том, что «работающих преданно» (*laborantum devotioni*) принципат всегда вознаграждает: что было обещано одним повелителем, исполнит другой (*quicquid sponderit princeps, semper redhibet principatus* — Ер., V, 16, 2).

Выраженная вполне определенно жизненная позиция Сидония связана не столько с беспринципностью его самого и его родственников¹², сколько со стремлением крупных земельных собственников закрепить предоставленные в эпоху домината права и преимущества за определенными родами, что в конечном счете вело к осознанию полученных привилегий как бы самих по себе, без непосредственной и реальной их связи с систематической государственной деятельностью.

Обличение Сидонием лентяев, устранившихся от всяких дел, не противоречило и современной ему христианской идеологии. Исполнение государственных должностей к середине V в. уже не рассматривалось христианами идеологами как дело греховное. Так еще в 402 г. один из римских соборов объявил, что если, кто, будучи христианином, занимал муниципальные должности, то он не может стать священнослужителем без предварительного покаяния¹³. Однако во второй половине V в., как видно из писем Сидония Аполлинария, лица, исполнявшие магистратуры, пользовались в нередких случаях даже преимуществами при выборах епископов (Ер., VII, 9, 18—20; VII, 2, 9). О деятельности епископов и других клириков Сидоний в своих письмах рассказывает часто и подробно. При этом он сообщает

не только о разнообразных благодеяниях церковных деятелей в пределах собственного муниципия (материальной и моральной помощи, всякого рода услугах, сострадании, разъяснении трудных вопросов, примирении поссорившихся, справедливом суде и т. п.— Ер., IV, 24; V, 19, 2; VI, 1—12), но и об активном их участии в решении политических дел, например, о причастности епископов южной Галлии к переговорам правительства с Еврихом, на которых решалась судьба Оверни (Ер., VII, 6). Многократно Сидоний обращает внимание читателей на случаи, когда церковь брала на себя исполнение функций, с которыми не могло справиться государство (Ер., I, 7; II, 1, 5; III, 5; V, 9, 2; VI, 8). Вполне очевидно, по убеждению Сидония, что те *negotia*, которые несколько столетий назад были связаны с исполнением государственных дел, теперь все более превращались в функции церкви. По всей вероятности, само понятие «*res publica*» в период кризиса римской империи уже не обязательно ассоциировалось с определенной формой государства (как это было в эпоху расцвета полиса¹⁴), а осознавалось в предельно широком значении — общественное благо, общественные дела.

Таким образом, призыв Сидония служить *res publica* и тем самым продолжить нравы и обычаи предков не может, по нашему мнению, оцениваться как пустая декларация или устаревшая реминисценция из сочинений идеологов республиканского Рима; в данном случае не приверженность республике выражал Сидоний, а высказывал мнение о необходимости заниматься общественно полезной деятельностью, под которой в середине V в. подразумевал и деятельность на церковном поприще.

Судя по сочинениям Сидония Аполлинария, жажда получить сословные почести, отличия и привилегии, дарованные клирикам, существование благоприятной возможности применить свои разнообразные способности в сфере церковной деятельности и благодаря этому сохранить о себе добрую память и славу, в немалой степени способствовали сохранению интереса образованной части знати к общественно полезной деятельности и препятствовали уходу ее в мир сугубо личных занятий и развлечений.

Любимым занятием Сидония и многих его друзей было литературное творчество (Ер., V, 3, 4). Однако Сидоний особо ценил не только умение при любых обстоятельствах находить возможность для чтения, сочинения стихов и писем, но и способность сочетать эти занятия с другими родами деятельности (Ер., I, 2; I, 11; V, 17; VIII, 6; IX, 15). Именно такими качествами обладало большинство его друзей (С., XXIII, XXIV). Лиц же, целиком отдававшихся умственному труду, Сидоний не одобрял и осуждал. В то же время, испытывая страстную любовь к интеллектуальным занятиям, Сидоний был убежден в том, что именно литература и образованность делают человека спо-

собным исполнять важные общественные функции. Так, например, он не раз отмечал, что легатов выбирали из числа лиц самых образованных (Ер., I, 9; V, 20, 1—2; VII, 9, 12—20; С. XXIII, 226—262). В одном из писем Сидоний рассказывает о том, как однажды Тонанций Фереол, которому пришлось исполнять обязанности префекта претория во время нашествия Атиллы в 453 г., позднее еще раз оказал немаловажную услугу согражданам именно благодаря своей исключительной начитанности и образованности, сумев убедить Торизмунда снять осаду Арля. «Свирепый король гóтов,— пишет Сидоний,— был увлечен твоими медовыми речами, твоей важной, остроумной, непривычной для него беседой, а ты заставил одним обедом удалиться от врат Арля того, кого не мог бы принудить к тому Аэций» (Ер., VII, 12, 3). Сидоний в своих сочинениях постоянно стремился отметить важную политическую роль и популярность среди всех сословий и партий именно тех государственных и церковных деятелей, кто не пренебрегал литературными занятиями (Ер., VIII, 4; VIII, 9; IX, 13, 5). Все упомянутые Сидонием современные ему литературные деятели, прославившись своими поэтическими и риторическими сочинениями, затем занимали высшие государственные должности или являлись клириками. «Если мой панегирик не имел славы, то хотя бы выгоду, какую только можно ждать от хорошего произведения»,— признается он в одном из писем (Ер., I, 9, 7). Плоды труда на литературном поприще обеспечивали их автору расположение императоров, которые непременно окружали себя самыми известными поэтами и писателями (Ер., I, 2; I, 11).

Эти примеры показывают, что литературные занятия в представлении Сидония и других представителей интеллектуальной элиты поздней Римской империи сливались с общественной и политической деятельностью в неразрывное целое; те и другие обеспечивали почетные преимущества. Более того, именно литературная деятельность, с точки зрения Сидония, а не исполнение государственных магистратур, были исключительной привилегией высшего сословия. Если Плиний Младший не раз выражал свое сожаление по поводу сужения аудитории истинных любителей литературных талантов (Ер., I, 10, 1; I, 13, 1), то Сидоний полагал, что помимо людей его круга вообще нет и быть не может действительного понимания всей красоты и величия настоящей литературы. Для более широкой аудитории, по его мнению, необходимо было изложение менее художественное, более грубое и примитивное по форме. Сочинения такого рода Сидоний к *litterari ars* не относил. Правда, в своих письмах он упоминает лиц знатных, пытавшихся увлечь привязанностью к литературе и науке другие слои общества, в том числе варваров (Ер., IV, 8, 5; IV, 22, 3; V, 5; VIII, 9). Сам Сидоний к подобного рода просветительской деятельности относился настороженно. Предложение Евриха, высказанное ему

Леоном Нарбонским, написать историю готского завоевания он отверг под предлогом твердой решимости совершенно отказаться от литературных занятий (Ер., IV, 22). Присутствие германцев в доме Сидония мешало ему, в такой обстановке его Муза молчала (Ер., VIII, 3, 2; С., XII). Вдохновение посещало поэта только в тех случаях, когда он был окружен любимыми друзьями. «В толпе невежд, как бы велика она не была, мне кажется, что я в совершенной пустыне», — признается Сидоний в письме к епископу Филагрию (Ер., VII, 14).

Несмотря на большую роль, какую играли литературные занятия в жизни Сидония, и его надежду, что память о его литературном творчестве сохранят потомки (Ер., VIII, 2; 5; 6), в большинстве случаев о своих литературных занятиях он говорит подчеркнuto скромно, называя их «пустяками» и «безделками» (Ер., I, 8, 7; III, 8, 1; V, 17, 2; V, 17, 10; VIII, 6, 4; С., III, 9—10). По нашему мнению, это связано с тем, что в середине V в. существовало уже два направления литературы: светского и религиозного содержания. Сам Сидоний считал себя светским поэтом и на религиозные темы отказывался писать, даже став епископом (Ер., IV, 17, 3). «Как было бы это дерзко и неприлично, если бы я, новый клирик, старый грешник, с поверхностными знаниями, с обремененным грехами сознанием, приступил к предуказанному тобою тяжкому делу (*negotii ponderis*)», — пишет он Домну, поэту и церковному деятелю, в ответ на его предложение обратиться к религиозным сюжетам (Ер., IX, 2, 3). Готовя к изданию свои сочинения и оценивая их уже с точки зрения церковного деятеля, Сидоний вынужден был признать труды такого рода «плодами досуга» (*otii*), в противоположность трудам религиозного содержания (*negotii*).

В своих письмах Сидоний Аполлинарий много и подробно рассказывает о таких занятиях, как игра в мяч (которую он любил не меньше, чем книги) и кости (Ер., V, 17; II, 9, 4; III, 1; IV, 4), охота (Ер., III, 3; IV, 21, 6; V, 17; VIII, 6, 10; С., V, 90; VII, 183), частые визиты гостей и посещение их, совместные прогулки, купание в бане, вкусный и сытный обед (Ер., II, 2; II, 9; IV, 8; IV, 9; IV, 18; V, 14; V, 17; VI, 2; VIII, 4; VIII, 9, 1; VIII, 11; VIII, 12; IX, 13; С. XX, XVIII, XXIII). Такого рода времяпрепровождение занимало значительную часть дня. Описание досуга в сочинениях Сидония выглядит необыкновенно привлекательно и занимает по объему гораздо больше места, чем упоминания о какой-либо общественной деятельности. Сидоний как будто хотел показать все преимущества своего образа жизни перед образом жизни далеких предков, лишенных возможности, обеспечив себя почетом и благосостоянием, наслаждаться сладостным досугом (*otia* *abundus* — Ер., IV, 8, 3; V, 9, 6) в кругу близких и любимых друзей.

Тщательным образом переработав и подготовив к изданию собрание своих стихов и писем, Сидоний Аполлинарий тем са-

мым принял самое непосредственное участие в духовной жизни его времени — эпохи, сыгравшей исключительно важную роль наследницы производственного и социального опыта, хранильницы интеллектуальных и художественных сокровищ древности, эпохи активного осмысления, оценки, отбора, переработки античных традиций, идеологии, культуры. Будучи страстным поклонником старины, Сидоний, как и многие из его друзей, заимствовал и провозгласил в качестве образца те элементы античной культуры и быта, которые казались для его времени приемлемыми. Цицерон, Плиний Младший и Симмах, Вергилий, Гораций и Овидий, Петроний, Марциал, Апулей и Клавдий Клавдиан являлись для Сидония авторитетами в большей или меньшей степени; у каждого он находил идеи и настроения, созвучные собственным взглядам и убеждениям. При этом употребленные Сидонием в стихах и письмах реминисценции, сохранив прежнюю форму, нередко в значительной степени изменили свое содержание: или путем предельно широкого толкования традиционных идиом (например, *res publica*), или благодаря изменению структуры и набора элементов, охватываемых тем или иным термином (например, *negotium* или *otium*), или посредством сужения сферы употребления тех или иных понятий. Например, *vir bonus*, согласно убеждению Сидония, — это человек непременно знатный и образованный, а не просто добропорядочный гражданин, как это было в эпоху господства полисной идеологии. В целом, несмотря на изменение в течение столетий структуры и сферы занятий, охватываемых понятиями «*negotium*» и «*otium*», характер и значение этих терминов остались неизменными: *negotium* — дело общественно значимое, *otium* — дело, удовлетворяющее личные интересы.

Процесс переосмысления Сидонием и его современниками прежних понятий и представлений в значительной степени был обусловлен социально-экономическими, политическими, идеологическими процессами, происходящими в середине V в. н. э. Так, на формирование представления Сидония Аполлинария о *negotium* и *otium*, безусловно, оказали влияние: кризис позднеримской политической системы, падение роли и значения императорских магистратур, переход ряда государственных функций к церкви, рост независимости крупных землевладельцев от центральной власти, усиление влияния христианской идеологии и наряду с этим отчаянное стремление наиболее образованных деятелей культуры сохранить любовь к литературе и образованности.

В стремительном водовороте событий переходной эпохи от античности к средневековью исчезли знатные позднеримские фамилии, в том числе прославленный род Аполлинариев. Надежда Сидония на сохранение престижного положения позднеримской родовитой знати не оправдалась. Тем не менее система ценностей, выработанная в этой среде, была позднее в опре-

деленной степени заимствована или вновь освоена феодальной знатью, закрепившей за своим классом те права и привилегии, которых с таким упорством добивались Сидоний, его родственники и друзья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: **Ешевский С. В.** Аполлиналий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века.— В кн.: **Ешевский С. В.** Собр. соч. В 3-х т. М., 1870, т. 3, с. 5; История французской литературы. Под ред. И. И. Анисимова и др. М.—Л., 1946, т. 1, с. 9; История западноевропейской литературы. Раннее средневековье и Возрождение. Под ред. В. И. Жирмунского. М., 1947, с. 67; **Голенищев-Кутузов И. Н.** Влияние латинской литературы IV—V вв. на литературу средневековья и Ренессанса.— ВДИ, 1964, № 1, с. 72—73; **Он же.** Средневековая латинская литература Италии. М., 1972, с. 39—41; **Беркова Е. А.** Влияние школы на формирование литературных вкусов Сидония Аполлиналия.— В кн.: Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966, с. 362—368; **Loyen A.** Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gallie aux derniers jours de l'Empire romain. Paris, 1943, p. 11—37, 95—105; **Idem.** Sidoine Apollinaire et les derniers éclats de la culture classique dans la Gaule occupée par les Goths.— In: *Settimane di Studio del Centro ital. di Studi sull'alto medioevo*, III (I Goti in Occidente Problemi) (Spoleto, 29 marzo—5 apr. 1955). Spoleto, 1956, p. 266—278; **Ruthford H.** Sidonius Apollinaris l'homme politique, l'écrivain, l'évêque. Etude d'une figure galloromaine du Ve siècle. Clermont-Ferrand, 1938, p. 46—84; **Schanz M., Hocius C.** Geschichte der römischen Literatur. München, 1959, Bd. 4, H. 1, S. 43—45.

² Между этими терминами существует тесное единство противоположностей. Единство otium и negotium выражается в том, что оба слова могут выступать в значении «занятие». Различие проявляется в тех случаях, когда negotium употребляется в смысле «труд», «работа», тогда otium приобретает значение «отдых», «досуг» (**Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь. 2-е изд. М., 1976, с. 666—667, 715).

³ В эпоху ранней республики в категорию negotium был включен труд земледельцев, однако во время Цицерона земледелие уже не являлось обязательным занятием добропорядочного знатного римлянина (**Andre J.-M.** L'otium dans la vie morale et intellectuelle Romaine, des origines à l'époque augustéenne. Paris, 1966, p. 23, 279—328).

⁴ **Утченко С. Л.** Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина.— В кн.: Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974, с. 159; **Он же.** Цицерон и его время. М., 1973, с. 242, 312.

⁵ **Горенштейн В. О.** Гай Саллюстий Крисп.— В кн.: Гай Саллюстий Крисп. Соч. Пер., статьи и коммент. В. О. Горенштейна. М., 1981, с. 153.

⁶ **Andre J.-M.** L'otium dans la vie morale..., p. 368.

⁷ **Сергеев М. Е.** О Плинии Младшем.— В кн.: Письма Плиния Младшего. Подгот. М. Е. Сергеев, А. И. Доватур. 2-е изд. М., 1982, с. 280.

⁸ Вероятно, в данном случае Сидоний имел в виду учение римских стоиков, призывающих к нравственному совершенствованию и духовной свободе (**Штаерман Е. М.** Эпиктет и его место в римском стоицизме.— ВДИ, 1975, № 2, с. 203; **Асмус В. Ф.** Античная философия. М., 1976, с. 509—531).

⁹ Ср.: *Amm. Marc.*, XI V, 6.

¹⁰ О деятельности провинциального собрания Сидоний рассказал в ряде писем (Ер., I, 3; I, 5—7).

¹¹ Одним из источников идеологического обоснования подобных стремлений были многократно преломленные в сознании родовитой знати и весь-

ма популярные в широких слоях общества идеи, которые проповедовались римскими стоиками еще со времен ранней империи, о необходимости сохранять достоинство и самоуважение при любых неблагоприятных внешних условиях (Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975, с. 198; Она же. Эпиктет и его место в римском стоицизме, с. 198; Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 86—98).

¹² О том, что Сидоний довольно часто проявлял политическую беспринципность, указывают многие биографы Сидония (см., напр.: Ешевский С. В. Аполлинарий Сидоний..., с. 159—160, 163—164, 176, 177, 187, 197, 206, 213, 224—225, 244—245, 285, 318—319, 322—329, 325—334; Голенищев-Кутузов И. Н. Влияние латинской литературы..., с. 72—73; Сиротенко В. Т. Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI вв. Источники. Пермь, 1973, ч. 1, с. 39—41; Loyen A. Sidone Apollinaire et l'esprit..., p. 38—45).

¹³ Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. Пер. с нем. С. Н. Булгакова. М., 1918, с. 159; Gaudemet J. L'Eglise dans l'Empire Romain (IV—V siècles). Paris, 1958, p. 350—356, 497—506.

¹⁴ Об эволюции понятия «res publica» см. в кн.: Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима, с. 38, 84—85.

В. В. КУЧМА
Высшая школа МВД СССР

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ

Будучи одной из форм общественного сознания, политическая идеология наиболее полно и непосредственно выражает коренные материальные интересы составляющих данное общество классов. Эти интересы, формулирующиеся по отношению к самым различным сторонам общественного бытия, не ограничиваются лишь сферой внутривнутриполитических проблем. В качестве важнейшей составной части в политическую идеологию оказываются включенными и классово-осознанные отношения к другим обществам и государствам.

Свое конкретное воплощение интересы господствующего класса находят в проводимой им политике, которую В. И. Ленин определял как «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства...»¹ Идеология господствующего класса и осуществляемая им политика состоят в тесной, неразрывной связи и взаимообусловленном соотношении. Вследствие этого идеология неизбежно приобретает политический характер, в свою очередь, все проявления политической деятельности идеологически обусловлены.

Как известно, отношения между классами и различными национальными образованиями внутри государства составляют сферу внутренней политики; отношения классов и национальных образований на международной арене охватываются понятием «внешняя политика». Внутренняя и внешняя политика